

— Хорошо, — ответила Су Мучжэнь и, взяв сестру за руку, удалилась.

Оставшись наедине, Ли Линъюэ перестала скрывать свои чувства и подошла к Шангуань Ванъэр вплотную:

— Что-то беспокоит?

Ее взгляд был пронизательным, а выражение лица искренним. Шангуань Ванъэр на мгновение замешкалась, затем покачала головой и мягко улыбнулась:

— Нет.

— Говоришь, нет? — Ли Линъюэ подняла руку и прикоснулась к слегка нахмуренному лбу Ванъэр, нежно поглаживая его с ноткой нежности. — Весь в морщинах. Кто-то тебя обидел?

Шангуань Ванъэр почувствовала, как прикосновение руки на лбу словно касается ее сердца, заставляя его биться чаще. Она мысленно отметила, что, кроме Ли Линъюэ, никто не посмел бы ее обидеть, но снова улыбнулась и покачала головой:

— Нет. Просто я думаю, как быстро пролетел этот год.

В начале прошлого года Шангуань Ванъэр была всего лишь низшей служанкой в дворцовых покоях, а теперь стала приближенной императрицы У и наложницей с рангом. За этот год она пережила многое.

Ли Линъюэ смягчила выражение лица, переместив руку с лба на щеку, и нежно погладила ее, полная сочувствия:

— Да. Но все это позади.

Шангуань Ванъэр знала, о чем говорит Ли Линъюэ. Ли Линъюэ всегда понимала ее. Она улыбнулась и отвела руку:

— Ладно, мы ведь еще увидимся. После Праздника Шанъюань я по-прежнему буду приходить к тебе, чтобы учить Нинъэр.

— А в сам Праздник Шанъюань? — Ли Линъюэ настаивала.

Шангуань Ванъэр с улыбкой ответила:

— Конечно, проведу его с тобой.

Ли Линъюэ выглядела довольной, наклонилась и легонько подняла подбородок Ванъэр, шутливо сказав:

— Ванъэр, ты такая послушная.

Затем она повернулась и отправилась искать Су Мучжэнь, чтобы уехать верхом.

Шангуань Ванъэр привыкла к ее дерзкому и игривому поведению и не обиделась, лишь посмотрела вслед, поглаживая подбородок и улыбаясь с легкой досадой.

Седьмой день нового года назывался «Днем человека», и в этот день император поднимался на гору вместе с чиновниками, чтобы устроить банкет. После того как император и императрица

стали править вместе, императрица У сопровождала Ли Чжи, но на этот раз она также взяла с собой Шангуань Ваньэр. Ли Линьюэ узнала об этом только в тот же день и, опасаясь, что Ваньэр, впервые участвующая в государственном банкете, может подвергнуться унижениям, остановила императрицу У, готовящуюся сесть в карету, и попросила:

— Мама, возьмите меня с собой. Я тоже хочу подняться на гору и поговорить с Мин Чуньянем о магии.

Императрица У задумалась на мгновение, бросила на нее укоризненный взгляд, но согласилась:

— Садись в ту карету.

Ли Линьюэ улыбнулась и сказала:

— Хорошо.

Она быстро подошла к карете, поднялась по ступенькам и, войдя внутрь, снова улыбнулась:

— Ваньэр.

Действительно, эта карета была предназначена для Шангуань Ваньэр. Она была небольшой, и Ли Линьюэ сидела в ней немного тесно. Но она не обращала на это внимания, пристроившись рядом с Ваньэр:

— Какое совпадение.

Ли Линьюэ улыбнулась, ранее она предполагала, что императрица У не станет готовить новую карету для нее, и они с Ваньэр окажутся вместе. Теперь это подтвердилось. Она достала из сумочки украшение в форме цветка, сделанное накануне, и надела его на голову Ваньэр:

— Это цветок сливы, который я вырезала вчера из шелка. Как тебе?

Украшение было на голове, а в карете не было зеркала, поэтому Шангуань Ваньэр не могла его увидеть, но все же с улыбкой ответила:

— Очень красиво, принцесса, вы так внимательны.

Ли Линьюэ улыбнулась.

Шангуань Ваньэр провела рукой по украшению, но в мыслях уже обдумывала другое. Она тоже сделала украшение накануне, планируя подарить его Ли Линьюэ после восхождения на гору, но сегодня Ли Линьюэ неожиданно присоединилась. Она сжала губы, затем сняла со своей головы другое украшение в форме ласточки и протянула его Ли Линьюэ:

— Принцесса, я не надела украшение, если вы не против...

Ваньэр, знающая толк в этикете, была так мила. Ли Линьюэ, конечно, не стала бы отказываться, она улыбнулась:

— То, что сделала Ваньэр, я никогда не отвергну. Только сейчас я не вижу свою прическу, не знаю, куда его надеть, сможешь?

— Конечно.

Шангуань Ваньэр была немного ниже Ли Линьюэ, и ей пришлось поднять голову, чтобы найти подходящее место для украшения, прежде чем надеть его.

Ли Линьюэ наблюдала, как Ваньэр с такой серьезностью надевает украшение, и снова улыбнулась: Ваньэр такая милая.

Здоровье Ли Чжи было слабым, поэтому для восхождения выбрали гору недалеко от дворца. Императрица У шла вместе с Ли Чжи впереди, а Ли Линьюэ и Шангуань Ваньэр следовали за ними. Сзади было видно, что императрица У была физически сильнее императора. Ли Линьюэ слегка нахмурилась, не зная, что чувствует, но, повернувшись к Шангуань Ваньэр, увидела, что та тоже смотрит на нее с легким беспокойством.

Ли Линьюэ почувствовала тепло в сердце, слегка покачала головой и с улыбкой продолжила путь.

Гора была невысокой, и вскоре они достигли вершины.

Ли Чжи стоял на вершине, произнес несколько поздравительных и вдохновляющих слов, а затем разрешил чиновникам сесть и наслаждаться банкетом. Ли Линьюэ была женщиной, и поскольку императрица У еще не заняла главное место, Ли Чжи не хотел, чтобы дочь слишком выделялась, поэтому специально поставил ширму и разместил ее позади себя.

Ли Линьюэ сидела за ширмой, чувствуя легкую грусть. В прошлой жизни она уже достаточно была на виду. Мужчины у власти любят создавать такие ненужные сложности. Она налила себе вина, взяла бокал и стала слушать, что происходит снаружи.

Снаружи звучала музыка, иногда кто-то из ученых читал стихи. Ли Линьюэ покачивала бокал, лениво слушая, но вдруг услышала, как ее брат Ли Сянь назвал Ваньэр по имени. Ее глаза сузились, и она кашлянула через занавес.

Ли Сянь, услышав это, понял, что в такой ситуации не стоит называть Ваньэр по имени, и быстро поправился:

— Госпожа Наложница, прочтите стихотворение.

— Седьмой брат, — Ли Линьюэ нахмурилась, и даже через занавес Ли Сянь почувствовал холод.

Он знал, что младшая сестра очень опекает Ваньэр, и смущенно улыбнулся:

— Тайпин, ведь День человека — это время для стихов.

Ли Линьюэ усмехнулась:

— Тогда пусть седьмой брат начнет.

Улыбка Ли Сяня стала еще более смущенной. Он огляделся, заметил, что все смотрят на него, но не мог придумать ни одной строки, начал нервничать, и на лбу выступил пот:

— Это... э... а...

Его запинание вызвало недовольство императора и императрицы. Увидев, что мать нахмурилась, он еще больше запаниковал. Шангуань Ваньэр, не желая, чтобы ситуация стала неловкой, взглянула на императрицу У, и, увидев ее одобрительный кивок, встала и прочла

стихотворение:

*

Снег еще не растаял, ива еще не распустилась.

Я боюсь заката, но не боюсь пустого кубка.

*

— Отличное стихотворение! — Ли Сянь сразу же захлопал в ладоши.

После него и другие чиновники начали выражать свое восхищение, хваля красоту стиха и мастерство автора.

Ли Линъюэ слушала молча, но на ее лице уже появилась довольная улыбка: в мире мало кто может сравниться с ее Ваньэр в литературном мастерстве.

После стихов началась церемония гадания. Погода была прекрасной, небо ясным, и предсказания говорили о богатом урожае и удаче в новом году. Чиновники, занимающиеся гаданием, также подтвердили это. Ли Линъюэ слушала и не могла не усмехнуться: она прожила одну жизнь и знала, что в этом году произойдет много событий, но кто посмеет сказать императору и императрице о бедствиях в начале года? Это было бы равносильно самоубийству.

Она посмотрела на императрицу У, ожидая ее вопроса, но императрица так и не спросила ее. Ли Линъюэ не думала, что мать так легко отпустит ее, и, как только она вернулась во дворец, ее снова вызвали.

— Мама.

Когда Ли Линъюэ вошла, в зале были только императрица У и Мин Чунъянь. Она кивнула ему:

— Господин Мин.

Мин Чунъянь ответил поклоном:

— Принцесса.

— Тайпин, садись.

Ли Линъюэ села, и императрица У продолжила:

— Сегодня ты тоже поднималась на гору. Что ты предсказала?

<http://bllate.org/book/17694/1651774>